

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

АНТОН
ЦИЖ

МЕРТВЫЙ ШАР

Москва
2022

Биллиардная игра во многом отличается от всех других игр. Это единственное развлечение, которое соединяет приятное с полезным. Приятность бильярдной игры заключается в том, что играющий, отвлекаясь от повседневных мелочей и дразг, отдается на некоторое время благородному чувству спортивного соревнования с другими в ловкости, быстроте, сообразительности и приятному для себя зрелищу, как пущенный им шар, точно живой, исполняет его поручения: бьет других шаров и заставляет их, в свою очередь, исполнять волю своего господина и, сделав свое дело, становиться на том именно месте, которое заранее мысленно определено игроком.

Школа и правила бильярдной игры по методе знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• КИКС

Биллиард хотя с виду и представляет собой простой и для всех понятный инструмент, но в глубине своей простоты он хранит многие и многие тайны.

Школа и правила биллиардной игры по методу знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• 1 •

Как известно, кочевые племена шли на Европу за новыми впечатлениями и свежими женщинами. Трудно осуждать их за это. Ну какие развлечения в степях? Тоска кругом. А дамского населения и вовсе недостатка. Где, скажите, найти в степи хоть какую-нибудь барышню, не то что хорошенькую? Кобылы, телки да ковыль. Так что кочевников гнала с насиженных пастбищ не историческая миссия, а чисто практическая задача: развлечься пожарищами завоеванных городов, заодно присмотрев себе двух-трех жен или рабынь.

Но вот какая зараза обращает городских жителей в толпы странников и гонит на дачу, науке неизвестно. За городом впечатлений никаких: комары и грязь те же, что в городе. Что же касается ловли жен на лоне природы, то уже имеющиеся супруги заранее отно-

сятся к невинным развлечениям без должной широты взглядов. Однобоко и неласково относятся, прямо скажем. Одним словом, делать ныне цивилизованному человеку на даче нечего. Сиди дома перед окошком, вдыхай испарения, глотай пыль и будь счастлив.

И все же доводы рассудка еще никого не остановили. Каждый май отцы семейств возглавляют набеги хищных домохозяев на близлежащие мирные поселения, в которых расселяются со всем скарбом, детьми, собаками и запасами, чтобы потом три месяца кряду каждое утро отправляться на службу в переполненных поездах, а вечером спешить обратно в такой же сутолоке.

Но за любое счастье наступает расплата. Приходит август, а с ним и конец дачного сезона. И тогда обыватель петербургский обращается в рыбешку, которую затянула сеть. Рыбешки мечутся в ужасе, копошатся, тычутся из стороны в сторону, но спасения нет — невод тянет за собой.

Обыватель петербургский обязан разыскать и снять новую квартиру, с тем чтобы семейство пережило бури и морозы под надежной крышей до новой весны. Обязан он к тому же разыскать достойную школу для подрастающих чад, снабдив оных всем необходимым для грызения знаний. А еще супруге непременно требуется закупить новую мебель, столики, или проклятые шифоньерки, или хоть пару стульев, потому что в августе принято покупать новую мебель, когда же еще. Кроме того, никто не снимал с петербургско-

го обывателя непрременной обязанности разбиться в лепешку, но достать билеты на все модные премьеры и бенефисы предстоящего сезона, иначе обожаемой женошке нечего будет обсуждать с гостями, и всю любовь к искусству она выльет на его и без того виноватую голову. И вот носится несчастный и думает только об одном: как бы опередить таких же рабов долга.

Но что испытания эти по сравнению с восторгом, который дарит август! У загнанного обывателя словно крылья вырастают за спиной, стоит лишь распространиться по столице волшебному аромату, который невозможно ни с чем спутать. Аромат разливается, и вскоре кажется, что нет такого уголка, улицы или подъезда, который не благоухал бы свежесваренным вареньем.

О, варенье! Как много значишь ты для петербургского жителя! В тебе одном находит он упоение и отраду долгими зимними вечерами, когда мороз ломится в окна. В тебе одном обретает успокоение души, когда другого не остается. В тебе одном восторг и сладострастие. Жить без варенья в Петербурге решительно невозможно.

Любите ли вы варенье, как любят его в столице? Нет, вы не любите его так. Нет у вас к нему такой страсти. В каком-нибудь южном городе вроде Москвы, Парижа или Багдада сладости хоть лопатой гребь, всякие лукумы с щербетами. Но в Северной столице нет ничего, кроме варенья. Один местный поэт даже написал строку: «Люблю тебя, Петра ва-

ренье...», но наборщик в типографии перепутал, и вышло «творенье». Так и оставили.

Кто жил в этом мрачном граде, поймет, какое счастье открыть в холода или ненастье баночку, вдохнуть аромат клубники, малины, вишни, земляники, черники, да боже ты мой, еще чего угодно, подцепить ложечкой сахарную ягодку, блестящую драгоценным рубином, отправить в рот и опутить такую негу и вдохновение, такую силу и огонь, какие не описать словами. Никаким джемам, конфитюрам и желе не возбудить подобных волнений. А потому едят варенья в Петербурге столько, что, как обычно, много не бывает. Нет, от варенья невозможно оторваться... А пенка!

Так, что-то увлеклись. Чтобы не изойти сладкой истомой, повторим вслед за стариной Апулеем: «Начнем-ка наши побасенки, внимай, читатель, будешь доволен».

Денек первой половины августа 1895 года, как и полагается, пропитался запахом разнообразного варенья. Кстати, давно уже пора переименовать этот месяц из непатриотичного римско-цезарьского в общеприятный: Варень. Чтоб за Июлем сразу Варень. А там, глядишь, и Сентябрь.

Ну так вот. Жара уступала первым осенним холодкам, прохладный ветерок разносил горячие облака сладкого. Все живое, побросав дела, взялось за медные тазики и мешки с сахаром. Береи и бличницы¹, не раз-

¹ Собирательницы ягод и грибов.

гибая спин, тащили в город полные корзины, а жадное чрево поглощало горы спелостей, требуя новых приношений. Печально, но в столице варенье готовит кто ни попадя. Иногда лучше не знать, как оно готовилось.

Вот, к примеру, Апраксин рынок, обычно торгующий всякой дрянью, превратился в одну большую кухню. Давно не мытые бабы перебирают горы ягод и, не окропив водой, бросают в котлы, никогда не знавшие мыла и скребка. Мешают варенье первой попавшейся под руку палкой, а что там в таз упадет, муха или сопля, уж как придется. И вот такое народное произведение ушлые торговцы скупают прямо с огня, разливают в фунтовые банки, в которых честно помещается три четверти фунта, клеят фасонные этикетки и нагло требуют по тридцати копеек за штуку. Какова дерзость!

Но что поделает петербургскому обывателю: покупает эту сладкую отраву и еще благодарит. А что прикажете: остаться на зиму без варенья? Ведь настоящего — киевского, самого лучшего и душистого — днем с огнем не найти, по какой-то таинственной причине не привезут его в столицу, нет, и все. Кондитерское варенье, что изготовляют фабрики, конечно, прекрасно, но цена кусается. А закупать паточно-глицериновую бурду ягодных маклаков — откровенно страшно. Вот и довольствуется петербуржец-квартирант тем, что предлагают рынки. И ведь любопытно: травятся не так уж часто. Да и то зимой. Может, желудок петербуржца научился переваривать камни? Или привыкли ко всему.

Впрочем, обитателям одноэтажного, но каменного особняка, потонувшего в зелени Крестовского острова, не грозило коротать зиму без варенья. Счастливо расположенный еще в черте города, но уже как бы вне ее, домик имел задний двор, на котором возвышался кирпичный очаг, покрытый прочерневшей жестяной, на которой удобно поместился медный тазик с массивной ручкой, мило побулькивающий и изливающий в окружающую среду аромат кипящего крыжовника. Тут же имелся главный секрет вкусного варенья: кухарка, умеющая его варить. Девушка в простом платье и замызганном переднике неторопливо водила деревянной ложкой по маршруту, в котором «s» превращалось в «z». Выждав одной ей известную минуту, приподняла тазик и хорошенько встряхнула. Вариво сдобно чмокнуло и расплылось. Готово, можно снимать.

Неся посудину двумя руками (все-таки тяжесть), кухарка направилась к ближайшему четырехногому сооружению, в котором меткий глаз распознал бы старый бильярдный стол. Но глаз должен быть метким. Всю поверхность дырявого сукна покрывала батарея пол-литровых баночек, ожидающих варенья, на тарелках грудились стопки бычьих пузырей, промытых и готовых к закупорке, а также восковые бумажки и кружки, пропитанные ромом, которые следует класть под пузырь. Тут же помещались тазики, в которых по киевской методе ягоды пересыпаны мелким сахаром (на 800 граммов — 400, при варке

добавить ложку воды). Рядом с горкой крыжовника собственного урожая возвышались холмики из малины и брусники, сторгованные по грабительской цене у приходящей береи.

Разгоряченный тазик подтолкнул ожидающих собратьев боком и разместился на столе, добавляя когда-то зеленой материи бурый след ожога. Как полагается, обтерев руки об себя, кухарка примерилась к тазу с малиной и уже взялась было за рукоятку, но тут взгляд ее, замутненный кухонной повинностью такого раннего часа, что другие и щеки от подушки не оторвали, вдруг узрел нечто неподобающее на розоватом поле сахара. Поморгав, понадеялась она, что внезапное помутнение схлынет, но немислимая находка и не думала исчезать. Напротив, смотрела нагло и прямо.

Не имея характера столько крепкого, чтобы встречать неожиданность мужественно, кухарка отбросила тазик подальше, расколов три банки; горячее содержимое тастика опрокинулось в траву. И, поскользываясь в варенье, попятилась, уже не владея собой.

Тишину спящего особняка прорезал такой надрывный и жалостливый вопль, что занавески в открытых окнах подернулись рябью. Наконец, потеряв равновесие, кухарка шмякнулась оземь и зашлась пронзительной трелью, которой позавидовал бы паровозный гудок.

Печальное одиночество ее не было долгим. Из дома довольно шустро выскочила пожилая дама. Чтобы заткнуть источник противного звука, при-

крикнула, что на кухарку не произвело впечатления никакого. Кричать она не перестала, только устала палец в пространство. Не найдя ничего заслуживающего столь гадкого визга, дама в ночном облачении строго высказалась о манерах прислуги.

Воздух в легких кухарки как раз удачно закончился, и она смогла наконец издать нечто хрюкающее, в котором различалось слово «таз». Дама шагнула к столу решительно, но, рассмотрев, что водрузилось на горке сахара, бросилась в дом — как видно, за подмогой. Кухарка же осталась в луже варенья.

• 2 •

Искушение слишком навязчиво. В открытое окно проникали непрошенные ароматы малины, ощущался тонкий, но значительный мотив черники, напористо и нагло напирал вихрь смородины, а за ним не отставали крыжовенный, брусничный, кажется, сливовый и даже айвовый. Нет, правда, айва. И откуда взялась? Наверное, привозная, сладкая, медовая...

Оскар Игнатьевич осторожно принюхался, полуприкрыв глаза, и, как истинный знаток, оценил тончайшими нервными окончаниями своего крепкого носа переливы и нюансы свежего варенья. Что делать, даже начальственное присутствие бессильно перед дурманом.

Надо признаться: полковник Вендорф был глубоко неравнодушен к варенью. Не только к нему, в жизни

его были не менее глубокие и пикантные интересы, но каждый август он хищно облизывался, предвкушая, как в ноябре, а если не вытерпит, и в октябре появится на столе заветная баночка, а за ней другая и третья. И так, пока кладовые не опустеют до следующего лета. Даже сейчас, когда полагалось выслушивать посетителя, ничего не мог с собой поделаться. Все внимание было отдано отгадыванию очередного запаха. Кабинет его размещался вдалеке от рынков, где царила вакханалия варки, в начальственном центре столицы – на Большой Морской улице, на которой морем не пахло вовсе, а вот вареньями – сколько угодно.

– Да-да, это очень странно, – кое-как выдавил из себя Оскар Игнатъевич, сообразив, что посетитель уже в третий раз излагает свою историю. Полковник отлично видел, что гостю удастся сохранить выдержку, но испуган он по-настоящему. При кажущейся смехотворности и даже ничтожности возникшего обстоятельства стоило признать, что в нем было что-то странное и неприятное.

Ах да, тут следует кое-что пояснить. Оскар Игнатъевич служил полицеймейстером 1-го отделения Петербурга, то есть был одним из четырех полицейских чинов, выше которых в столице находился только сам градоначальник и директор Департамента полиции. Под властью полковника Вендорфа пребывала четверть всех полицейских участков, охранявших порядок и спокойствие в Петербурге. Остальные три четверти руководились тремя полицеймейстерами других

отделений. Попасть к Оскару Игнатьевичу на прием вот так, запросто, не мог даже средний чиновник, не говоря уже о каком-нибудь пострадавшем. А вот разместившийся в глубоком кресле господин подтянутой наружности, облаченный в роскошный летний костюм, смог. За какие такие заслуги? Значит, были. И все тут.

— Так что же посоветуете? — спросил гость с отчетливой ноткой тревоги в голосе.

Оскару Игнатьевичу очень хотелось посоветовать не забивать голову всякими бреднями, когда нет реальной причины для беспокойства, но он никак не мог это произнести. Ну вот не мог, и все. Потому что таков был гость.

— Думаю, Нил Нилыч, этим делом следует заняться. Возможно, ничего серьезного, но проверить стоит. Нельзя подвергать вас даже призраку опасности.

Визитер как-то сразу расслабился, вольнее развалился в кресле, словно его беду сняло, как пенку ложкой, и уточнил, какие меры следует предпринять.

Это полковник Вендорф и сам не очень представлял. Однако, изобразив на лице концентрированную работу мысли, изрек, начальственно растягивая слова:

— Для такого поручения требуется человек особого склада...

Эту мысль посетитель целиком поддержал, почтительно смолчав, чем вынудил полковника к неизбежному и такому нелюбимому делу — принятию конкретного решения.

— Тут нужен умный и расторопный чиновник.